

РФ
Г 84

А. Тунъ.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Переводъ Вѣры Засуличъ, Д. Кольцова и др.

Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ Л. Дѣйча,
предисловіемъ Г. Плеханова,
статьями: „Восьмидесятыя годы“ Д. Кольцова,
„О социальной демократіи въ Россіи“ Г. Плеханова
и примѣчаніями П. Лаврова.

Цѣна 4 р. 80 к.

ИЗДАНИЕ
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Кавказармейскихъ Депутатовъ.
1918

3
А. Тунъ.

9(47):323

T 84

546
ИСТОРИЯ
РЕВОЛЮЦИОННЫХЪ ДВИЖЕНІЙ
ВЪ РОССІИ.

Переводъ Вѣры Засуличъ, Д. Кольцова и др.

Съ воспоминаніями объ А. Тунѣ Л. Дейча,
предисловіемъ Г. Плеханова,
статьями: „Восьмидесятыя годы“ Д. Кольцова,
„О социальной демократіи въ Россіи“ Г. Плеханова
и примѣчаніями П. Лаврова.

П1516-3

12295
11135

РЕДКИИ
ФОНД

ИЗДАНИЕ
Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
1918.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Среди событій послѣдняго времени, все болѣе и болѣе привлекающихъ къ себѣ вниманіе нѣмецкой публики чудовищностью употребленныхъ средствъ и полною таинственностью своихъ явленій, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ революціонное движеніе въ Россіи. Хотя это послѣднее въ теченіе періода съ 1879 года до 1881 повело къ формальной войнѣ между правительствомъ и загадочнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ, но этотъ для Россіи въ высшей степени важный рядъ событій не находитъ до сихъ поръ удовлетворительнаго изображенія. Не считая множества поверхностныхъ брошюръ, которыя обыкновенно носятъ характеръ скорѣе назидательныхъ размышленій, нежели историческихъ работъ, во всей остальной извѣстной мнѣ литературѣ, за исключеніемъ самихъ русскихъ, лишь: «Введеніе въ исторію нигилизма» Эрнеста Лавинь (E. Lavigne. Einleitung in die geschichte des Nihilismus) и появившіяся анонимно «Russische Wandlungen» содержатъ кое-какой полезный, хотя и не обработанный матеріалъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія за послѣдніа 10 лѣтъ. Что касается русскихъ, то Подолинскій, князь Крапоткинъ и пишущій подъ псевдонимомъ Степняка дали на французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ краткіе очерки развитія революціи, а Лавровъ и Аксельродъ сдѣлали на нѣмецкомъ языкѣ сообщенія о наиболѣе важныхъ событіяхъ 1878 и 1879 гг. Однако-жъ ни одна изъ указанныхъ работъ не отвѣчаетъ въ достаточной мѣрѣ потребности нѣмецкой публики ознакомиться съ вопросомъ во всѣхъ подробностяхъ. Впрочемъ, нельзя винить въ этомъ названныхъ авторовъ. Покрывало, скрывающее многія событія, пока еще не снято. Революціонеры остерегаются публиковать точныя свѣдѣнія о живыхъ личностяхъ и новыхъ предпріятіяхъ, такъ какъ это могло бы повредить

арестованнымъ революціонерамъ. Что касается правительства, то оно хранить результаты дознанія въ архивъ государственной полиціи, гдѣ они, конечно, долго будутъ еще оставаться неприкосновенными.

Почему въ настоящее время я берусь за исторію движенія, которая не можетъ быть удовлетворительно написана? Этотъ вопросъ читателя настолько законенъ, что я долженъ дать на него отвѣтъ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что на эту работу я натолкнулся, такъ сказать, случайно. Весною прошлаго года я получилъ отъ одного знакомаго цѣлый тюкъ газетъ и брошюръ, до того времени для меня совершенно недоступныхъ: тюкъ русскихъ «подпольныхъ» изданій. Сначала я просто просмотрѣлъ ихъ, потомъ прочелъ и нашелъ, что они совершенно неизвѣстны нѣмецкой публикѣ, а между тѣмъ вполне заслуживаютъ ея вниманія. Въ концѣ лѣта я отправился въ Женеву и встрѣтилъ тамъ въ богатой библиотекѣ книгопродавца М. Эльпидина такое дружеское содѣйствіе и столь обширный матеріалъ, что (какъ это можно видѣть изъ приложенной въ концѣ книги библиографіи) едва ли отъ меня ускользнуло хоть одно изъ болѣе или менѣе важныхъ произведеній революціонной прессы, касающаеся семидесятихъ годовъ; но крайней мѣрѣ, мнѣ не пришлось добавлять къ ней ни одного сочиненія, когда я, по окончаніи набора настоящей книги, получилъ «Календарь Народной Воли», содержащій перечень вышедшихъ изданій. Однако, располагая даже такимъ полнымъ матеріаломъ, я былъ бы не въ состояніи нарисовать живую картину русскаго движенія, если бы мнѣ не помогъ въ этомъ дѣлѣ одинъ русскій, который былъ хорошо знакомъ съ нимъ и объяснилъ мнѣ внутреннюю связь событій, сообщивъ въ то же время много фактовъ, не попадавшихъ ранѣе въ печать.

Могъ ли я оставить необработаннымъ собранный въ такомъ количествѣ матеріалъ? Надѣюсь, читатель оправдаетъ мою рѣшимость приступить къ изложенію. Но когда я осуществилъ мое намѣреніе и написалъ исторію семидесятихъ годовъ, во мнѣ возникло сомнѣніе. Не могъ же я выпустить въ свѣтъ сочиненіе, начинающее разсказъ съ семидесятихъ годовъ, безъ историческаго введенія, которое указывало бы развитіе революціонной мысли въ предыдущія 10 лѣтъ и характеризовало бы социальный порядокъ, вызвавшій революціонное движеніе. Далѣе, для семидесятихъ годовъ я долженъ былъ бы обрисовать внутреннюю политику правительства и настроеніе общества, какъ причину движенія. Но въ этомъ

отношеніи задача оказалась невыполненной, такъ какъ мнѣ пришлось ограничиться лишь бѣглыми очерками, которые были у меня подъ рукой, и въ этомъ состоитъ существеннѣйшій недостатокъ настоящей книги, который я былъ не въ силахъ устранить до сихъ поръ. Основательное изученіе исторіи правленія Россіи требовало бы продолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ, невозможнаго для меня въ настоящее время. Психологическое же и этическое изображеніе революціонеровъ и всего русскаго общества предполагаетъ знаніе народнаго духа, котораго я не могъ приобрести. Въ виду этого читатели, близко знакомые съ судьбой Россіи въ 60-хъ годахъ, могутъ пропустить обѣ первыя главы. Онѣ однако будутъ полезны въ качествѣ краткаго введенія для значительнаго большинства, стоящаго далеко отъ русскихъ дѣлъ. Съ третьей главы мои собственныя изслѣдованія составляютъ основу изложенія, посвященнаго исключительно исторіи русской революціи, но совѣмъ не исторіи социальнаго и политическаго развитія въ Россіи вообще. Ограничивъ такимъ образомъ свою задачу, я надѣялся представить нѣмецкому читателю факты и идеи, которые въ предлагаемыхъ подробностяхъ и освѣщеніи совершенно не могутъ быть ему извѣстны. Русскіе читатели, заинтересовавшіеся настоящимъ трудомъ, много бы меня обязали, приславъ мнѣ исправленія и пополненія (въ особенности касательно періода отъ 1855 г. до 1863 г. и исторіи либерализма), въ которыхъ мое изложеніе несомнѣнно нуждается.

Профессоръ А. ТУНЪ.

БАЗЕЛЬ. Университетъ, Троица 1883 г.

Мое знакомство съ профессоромъ Альфонсомъ Туномъ.

Лѣтомъ 1882 г. я, вернувшись изъ экскурсіи по Швейцаріи въ Женеву, узналъ отъ моего хорошаго знакомаго, эмигранта Н. Л—на, что незадолго передъ тѣмъ туда же пріѣхалъ нѣмецкій профессоръ А. Тунъ, задавшійся цѣлю написать книгу о русскомъ революціонномъ движеніи.

По словамъ этого эмигранта Тунъ очень хорошо ознакомился съ нашей подпольной литературой и въ Женеву онъ пріѣзжалъ для того, чтобы достать тѣ источники, которыхъ ему невозможно было раздобыть раньше, а также чтобы лично познакомиться съ участниками нашего движенія, находившимися въ эмиграціи. Но вслѣдствіе каникулярнаго времени почти всѣ сколько-нибудь видные эмигранты разъѣхались, и Туну поэтому пришлось ограничиться лишь знакомствомъ съ старымъ эмигрантомъ Эльпидинымъ (по Казанскому дѣлу 1861 г.) и проф.—украинскимъ Драгомановымъ.

Въ этому сообщенію Н. Л—на я отнесся довольно скептически по слѣдующимъ двумъ причинамъ: прежде всего Н. Л—нъ отличался свойствомъ неточно передавать дѣйствительные факты и происшествія, почему въ нашей средѣ и была присвоена ему кличка «беллетриста», съ каковой онъ дѣлалъ видъ, что мирится. Затѣмъ въ описываемое время, которое, какъ знаетъ читатель, было вскорѣ послѣ убійства Императора Александра II, цѣлая масса иностранцевъ набросилась на революціонное движеніе въ Россіи, какъ на выгодный матеріалъ для эксплуатаціи интереса европейской публики къ совершавшимся въ Россіи террористическимъ актамъ. Но если не всѣ, то огромное большинство произведеній этихъ писателей представляли собой сплошной вымыселъ, и намъ рус-

скимъ съ трудомъ можно было узнавать въ этихъ сообщеніяхъ и разсказахъ что-нибудь, напоминавшее нашу родину.

Въ виду этихъ причинъ я предполагалъ, что произведенія и нѣмецкаго профессора, если дѣйствительно онъ таковыя задумалъ, по всей вѣроятности, мало чѣмъ будутъ отличаться отъ другихъ аналогичныхъ, и вскорѣ совершенно забудь о сдѣланномъ мнѣ сообщеніи Н. Л—на.

Но случилось такъ, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вышеприведеннаго разговора съ Н. Л—нъ мнѣ самому пришлось поѣхать въ городъ Базель, гдѣ Тунъ состоялъ профессоромъ. По разнымъ личнымъ соображеніямъ, о которыхъ здѣсь распространяться не буду, я рѣшилъ поселиться въ Базель на болѣе или менѣе продолжительное время. Тамъ же надумалъ я поступить въ мѣстный университетъ въ качествѣ вольнослушателя философскаго факультета.

Предъ отъѣздомъ изъ Женевы я получилъ рекомендацію къ Базельскому социаль-демократу, бывшему студенту мѣстнаго университета, Карлу Моору. Въ первый же вечеръ моего пріѣзда въ Базель я отправился къ нему, и послѣ непродолжительнаго общаго разговора онъ сообщилъ мнѣ, что въ мѣстномъ университетѣ читаетъ интересныя лекціи о русскомъ революціонномъ движеніи проф. Тунъ. Какъ и Н. Л—нъ, Карлъ Мооръ также расхваливалъ проф. Туна, заявляя, что онъ вполне ознакомился съ предметомъ и вообще интересный человекъ, съ которымъ слѣдуетъ мнѣ непременно познакомиться. Но я продолжалъ еще относиться скептически къ этому иностранному ученому, выбравшему наше движеніе темой своихъ лекцій: я предполагалъ, что онъ эксплуатируетъ лишь популярную тему. Когда я высказалъ это соображеніе моему новому товарищу, онъ энергично сталъ защищать проф. Туна, говоря, что онъ рѣшительно не похожъ на газетныхъ писателей, трактующихъ о Россіи безъ всякихъ о ней знаній.

Мооръ утверждалъ, что Тунъ серьезный ученый, въ чемъ я легко могу убѣдиться, прочитавъ его прежнія сочиненія, что онъ свободно владѣетъ русскимъ языкомъ и что онъ перечиталъ рѣшительно всю доступную литературу о нашемъ движеніи: онъ настаивалъ поэтому на томъ, чтобы я лично познакомился съ нимъ. Такъ какъ я уже ранѣе рѣшилъ слушать между прочимъ лекціи по политической экономіи и статистикѣ, каковыя читалъ Тунъ, и такъ какъ въ мѣстномъ университетѣ суще-

ствовалъ еще старинный обычай посѣщать на дому того профессора, лекціи котораго собирався слушать студентъ, то я и рѣшилъ отправиться прежде всего къ проф. Туну. Карлъ Мооръ вызвался предупредить Туна о моемъ посѣщеніи и узнать отъ него, въ какое время ему будетъ удобнѣе меня принять.

Я былъ тогда нелегальнымъ и, даже живя за границей, въ виду опасенія, подобно Нечаеву, быть выданнымъ русскому правительству, проживалъ подъ фальшивымъ паспортомъ. Отправляясь въ Базель, я запасаю документомъ на имя Николая Криднера, потомственного почетнаго гражданина какой-то изъ остзейскихъ губерній. Но Мооръ зналъ и мою настоящую фамилію. Соглашаясь, чтобы онъ предупредилъ Туна о моемъ посѣщеніи, я настоятельнымъ образомъ просилъ его не открывать Туну, да и вообще никому въ Базелѣ, кто я въ дѣйствительности, а рекомендовать меня какъ обыкновеннаго русскаго студента, учащагося за границей. Мооръ далъ мнѣ слово, что будетъ хранить мой секретъ.

Спустя два-три дня я отправился къ проф. Туну въ назначенное имъ время. Онъ принялъ меня довольно любезно, расспрашивалъ, гдѣ я раньше учился, поинтересовался узнать, не нахожусь ли я въ какомъ-нибудь родствѣ съ знаменитой Криднеръ, другомъ императора Александра I, и давалъ мнѣ совѣты и указанія, какіе курсы стоитъ посѣщать въ мѣстномъ университетѣ.

Выше средняго роста, стройный блондинъ, Тунъ имѣлъ правильныя симпатичныя черты лица и въ обращеніи былъ простъ и привѣтливъ. Въ первое же мое посѣщеніе онъ поинтересовался узнать мое матеріальное положеніе, и когда я сообщилъ ему, что далеко не обезпеченъ, то заявилъ мнѣ, что будетъ имѣть меня въ виду и постарается прискаты мнѣ какой-нибудь заработокъ. Какъ вскорѣ потомъ я узналъ, Тунъ былъ чрезвычайно отзывчивъ и охотно помогалъ нуждавшимся студентамъ не только совѣтами и указаніями относительно ихъ занятій, но также входилъ въ ихъ матеріальное положеніе, рекомендовалъ ихъ въ качествѣ репетиторовъ и переписчиковъ, указывалъ сочиненія для переводовъ, компиляцій и проч. Уже однимъ этимъ Тунъ очень выгодно выдѣлялся изъ среды мѣстныхъ профессоровъ.

При первомъ же моемъ посѣщеніи онъ сообщилъ мнѣ, что, будучи уроженцемъ гор. Аахена въ Германіи, онъ, однако, кончилъ нашъ дерптскій

университетъ; затѣмъ въ теченіе нѣкотораго времени проживалъ въ одной изъ внутреннихъ нашихъ губерній въ качествѣ управляющаго крупнаго имѣнія. Среди его родственниковъ изъ остзейскихъ нѣмцевъ нѣкоторые занимали довольно высокіе посты въ высшей нашей администраціи, въ числѣ ихъ былъ, напримѣръ, Туркестанскій генераль-губернаторъ Кауфманъ. Благодаря протекціи послѣдняго, Тунъ былъ одно время даже прикомандированъ въ качествѣ чиновника къ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ. Но служба эта ему совершенно не понравилась, такъ какъ, по его словамъ, она сводилась лишь къ отвѣщиванію поклоновъ различныхъ степеней, сообразно значенію и важности появившихся въ министерствѣ лицъ—онъ безъ смѣха не могъ и въ дальнѣйшихъ разговорахъ вспоминать о столь странной службѣ. Тогда же онъ познакомился съ нѣкоторыми нашими либеральными профессорами, повидимому имѣвшими на него вліяніе въ смыслѣ возбужденія въ немъ интереса къ экономическому строю въ Россіи. Изучивъ достаточно хорошо нашъ языкъ, бросивъ службу, онъ, кажется, отправился въ Москву, гдѣ занялся ознакомленіемъ съ нашей кустарной промышленностью, а также и артелями. Результатомъ этихъ занятій была написанная имъ впоследствии брошюра, появившаяся на нѣмецкомъ языкѣ. Затѣмъ онъ отправился въ Германію, чтобы дѣликомъ отдаться наукѣ. Диссертация «Die Industri am Niederrhein» («Промышленность въ нижнемъ Рейнѣ») обратила на себя вниманіе специалистовъ и до сихъ поръ считается довольно крупнымъ вкладомъ въ экономическую науку. Послѣ этого онъ сдѣлался приватъ-доцентомъ Берлинскаго университета, а годъ спустя, въ 1881 году, будучи 26—27 лѣтъ, онъ уже былъ приглашенъ въ качествѣ ординарнаго профессора въ Базельскій университетъ; повидимому, Тунъ обладалъ крупными способностями: онъ свободно владелъ нѣсколькими языками, легко и быстро работалъ, и каждое дѣло, за которое онъ брался, какъ говорится, спорилось въ его рукахъ.

При первомъ же моемъ посѣщеніи я узналъ отъ проф. Туна, какимъ образомъ онъ напалъ на мысль писать книгу о нашемъ революціонномъ движеніи.

«Проходя однажды мимо книжнаго магазина, сказалъ онъ, я увидѣлъ выставленныя въ витринѣ какія-то женевскія изданія—Тунъ ихъ мнѣ тогда перечислилъ, но теперь я ихъ не помню.—Заинтересовавшись

заглавіями, я купилъ ихъ, а когда прочиталъ, то рѣшилъ перечитать все, что можно было достать въ Базелѣ о русскомъ революціонномъ движеніи. Это было въ прошломъ году, тотчасъ послѣ моего пріѣзда въ Базель, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убійства Царя. Вступая въ бесѣду съ коллегами-профессорами, я убѣдился, что не только у широкой иностранной публики, но даже у нашихъ ученыхъ нѣтъ ни малѣйшаго представленія какъ вообще о Россіи, такъ въ особенности о происходящемъ въ ней революціонномъ движеніи. Тогда я надумалъ прочитать въ мѣстномъ университетѣ публичныя лекціи о Россіи. Судя по огромному числу собиравшихся въ аудиторіи слушателей и по оказанному лекціямъ приему, я видѣлъ, что тема эта интересуетъ публику. Поэтому я повторилъ ихъ еще для болѣе широкаго круга слушателей. Въ самой обширной аудиторіи, имѣющейся въ нашемъ Университетѣ, не только все сплосъ было переполнено въ самой аудиторіи, такъ что некуда было, какъ говорится, яблоку упасть, но даже толпилось много народа снаружи у оконъ и въ коридорѣ. Эти же лекціи убѣдили меня въ томъ, что мои свѣдѣнія, почерпнутыя изъ книгъ и брошюръ о Россіи, недостаточны, поэтому я рѣшилъ въ ближайшія каникулы отправиться въ Женеву—центр русско-эмиграціи, чтобы пополнить мои литературныя матеріалы и лично познакомиться съ вашими революціонными дѣятелями. Но къ сожалѣнію, я засталъ тамъ лишь троихъ,—Тунъ перечислилъ вышеназванныхъ мною лицъ.

Такимъ образомъ оказывалось, что по крайней мѣрѣ на этотъ разъ въ сообщеніи Н. Л.—на о Тунѣ не было беллетристики.

Прощаясь со мною, проф. Тунъ поинтересовался моимъ адресомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не предложилъ мнѣ заходить къ нему. А такъ какъ онъ и ко мнѣ не являлся, то я встрѣчался съ нимъ лишь на его лекціяхъ, а иногда по окончаніи ихъ вмѣстѣ съ нимъ выходилъ изъ Университета.

Какъ профессоръ политической экономіи, онъ примыкалъ къ нѣмецкимъ катедеръ-соціалистамъ, и лекціи его, живо и просто излагаемыя, конечно, не отличались большимъ интересомъ. Значительно болѣе содержательнымъ былъ его курсъ статистики, который онъ читалъ для широкой публики.

Спустя нѣкоторое время, встрѣтившись со мной послѣ лекціи, онъ сообщилъ, что его товарищъ, профессоръ сравнительнаго права Тайхманъ, желаетъ брать у меня уроки русскаго языка. Я отправился къ послѣднему и дѣйствительно получилъ урокъ на очень выгодныхъ усло-

віяхъ. Тайхманъ оказался типичнымъ нѣмецкимъ ученымъ—филистеромъ, знавшимъ чуть ли не всѣ европейскіе языки, за исключеніемъ славянскихъ и турецкаго, которые, однако, надѣялся еще изучить. Помня мельчайшія детали уголовного права разныхъ странъ, онъ въ политическихъ вопросахъ являлся крайнимъ реакціонеромъ, поклонникомъ Бисмарка. Одинокій, неособенно общительный Тайхманъ, за исключеніемъ лекцій, остальное время проводилъ въ своемъ кабинетѣ, снизу до верху установленномъ полками съ книгами. Въ ученое мѣрѣ онъ имѣлъ довольно крупное имя.

Такъ проходили первые недѣли и мѣсяцы моего пребыванія въ Базелѣ. Но однажды въ праздничный день, незадолго до Рождества, я случайно встрѣтился съ проф. Туномъ въ мѣстномъ музеѣ. Обмѣнявшись обычными фразами, я собирался уходить, когда онъ предложилъ мнѣ прогуляться вмѣстѣ по набережной Рейна. На мой вопросъ о томъ, какъ идетъ его сочиненіе о Россіи, онъ отвѣтилъ, что оно приближается къ концу, и у насъ завязался съ нимъ разговоръ по этому поводу. Между прочимъ, помню, онъ выразилъ не то удивленіе, не то проницательно отнесся къ тому, что П. Лавровъ до выхода «Впередъ» нѣсколько разъ мѣнялъ свою политическую программу, не будучи все въ состояніи попасть на надлежащую. Незамѣтно, увлекаемый замѣчаніями Туна, я сталъ высказываться по поводу тѣхъ или иныхъ эпизодовъ и обстоятельствъ изъ нашего революціоннаго прошлаго. До этой встрѣчи Тунъ, быть можетъ, видѣлъ во мнѣ лишь легальнаго русскаго студента, едва-ли очень посвященнаго въ революціонное движеніе, а слѣдовательно, и неособенно освѣдомленнаго въ немъ. Но замѣтивъ во время этого разговора, что я не чуждъ исторіи нашего движенія, онъ предложилъ мнѣ просмотрѣть написанную имъ рукопись и на поляхъ ея отмѣтить тѣ мѣста, которыя покажутся мнѣ неправильными. Я охотно согласился на это предложеніе, такъ какъ избранная имъ тема меня очень самого интересовала, къ тому же мнѣ казалось небезполезнымъ, чтобы появилось сочиненіе нѣмецкаго профессора о русскомъ революціонномъ движеніи, свободное отъ грубыхъ ошибокъ и промаховъ. Но, когда, пришедши съ нимъ на его квартиру, я увидѣлъ его обширную рукопись, написанную мелкимъ неразборчивымъ почеркомъ, я нашелъ, что чтеніе ея должно отнять у меня чрезвычайно много времени, а потому предложилъ ему, чтобы онъ самъ прочиталъ ее мнѣ вслухъ. Онъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, и мы съ нимъ условились, когда приступимъ къ нашимъ занятіямъ. Такъ какъ

въ теченіе недѣли мы оба были заняты своими университетскими курсами, то мы рѣшили посвящать его работѣ субботніе и воскресные дни.

Я являлся къ нему въ сумеркахъ, и мы тотчасъ же приступали къ нашему занятію въ его небольшой, но уютной квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ; мы усаживались въ той, которая служила одновременно его гостиной, столовой и рабочимъ кабинетомъ. Онъ принимался за чтеніе рукописи, я же долженъ былъ дѣлать замѣтки на бумагѣ о тѣхъ мѣстахъ, которыя требовали измѣненій, дополненій и проч. Часовъ въ 7—8 служанка приносила разнообразную закуску, а главное—нашъ русскій самоваръ, который заграницей является столь пріятнымъ для насъ сюрпризомъ. Слушая его чтеніе, я исполнялъ обязанности хозяйки дома: разливалъ чай по чашкамъ и вино въ рюмки, а также накладывалъ закуски на тарелки. Такъ продолжались наши занятія до поздняго часу ночи. Когда же Тунъ на опредѣленномъ мѣстѣ заканчивалъ чтеніе, мы обсуждали тѣ пункты, которые я находилъ невѣрными или сомнительными. Въ большинствѣ случаевъ, мы скоро приходили съ нимъ къ соглашеніямъ, но иногда возникали у насъ горячіе споры. Въ подтвержденіе вѣрности своего мнѣнія, каждый ссылался на извѣстные ему источники по поводу даннаго спорнаго вопроса, и, если необходимыя сочиненія находились въ его библіотекѣ, мы немедленно перечитывали соответствующія мѣста.

Когда же его не оказывалось, мы откладывали окончательное рѣшеніе нашего вопроса до полученія необходимаго источника. Наиболее ожесточенный споръ у насъ, помню, произошелъ по слѣдующему поводу.

Характеризируя террористическое направленіе, Тунъ въ своемъ сочиненіи заявлялъ, что чувство культурнаго цивилизованнаго европейца не можетъ не возмущаться тѣми жестокими отталкивающими приемами насилія и убійства, къ которымъ прибѣгаетъ русскій революціонеръ.

Когда онъ закончилъ чтеніе главы, заключавшей вышеприведенный отзывъ его, я не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній, потому что фактическихъ неправильностей въ этомъ мѣстѣ не было. Видя, что я молчу, Тунъ спросилъ меня, какъ объяснить это. Я отвѣтилъ, что хотя могъ бы многое сказать по поводу даннаго мѣста, но считаю себя не вправѣ сдѣлать это, такъ какъ, согласившись прослушать чтеніе его рукописи, имѣлъ въ виду лишь фактическую сторону, что же касается его сужденій, то это его личное право высказывать тѣ или иныя взгляды, хотя и не согласныя съ моими.

Когда появится ваше сочиненіе въ печати, сказалъ я, — я или кто-нибудь изъ моихъ товарищей сумѣемъ, вѣроятно, доказать читателямъ, насколько неправильны ваши сужденія.—Но Тунъ энергично сталъ уговаривать меня, чтобы я теперь же изложилъ свое мнѣніе, такъ какъ вовсе не считаетъ высказанные имъ взгляды безапелляціонно вѣрными и заранѣе выражаетъ готовность измѣнить ихъ, если я докажу ихъ неосновательность. Я согласился съ этимъ заявленіемъ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ горячо доказывалъ ему, что безпристрастный человекъ, основательно ознакомившійся съ нашимъ революціоннымъ движеніемъ и, слѣдовательно, убѣдившійся въ томъ, что только само русское правительство вынудило насъ прибѣгать къ насильственнымъ актамъ, противъ чего наши чувства сами долго возмущались,—не въ правѣ бросить намъ за то упрекъ. Я привелъ ему обширный мортирологъ жертвъ мирной борьбы за политическую свободу въ Россіи, напомнилъ ему о многочисленныхъ казняхъ и о лицахъ, осужденныхъ на каторгу, и проч.

Въ началѣ моего опроверженія проф. Тунъ дѣлалъ мнѣ кое-какія возраженія, но постепенно онъ, видимо, началъ сдаваться и въ заключеніе нашей бесѣды замѣтилъ:

— Я подумаю и перечитаю указанные вами источники, быть можетъ, измѣню это мѣсто.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ нашихъ засѣданій онъ, по прочтеніи дальнѣйшей главы, предложилъ мнѣ вновь прослушать то мѣсто изъ предшествовавшей, которое вызвало только что описанный мною горячій споръ. На этотъ разъ оказалось, что Тунъ совершенно измѣнилъ свое рѣзкое сужденіе о террористахъ и высказывался уже въ такомъ родѣ, что если даже вѣрна лишь часть фактовъ о жестокихъ преслѣдованіяхъ ихъ, то мы не можемъ не понять, что само правительство вынудило социалистовъ выступить на путь насилій, и мы не должны за это бросать имъ упрека. Приблизительно въ этихъ выраженіяхъ онъ и высказывается въ своей книгѣ.

По воскреснымъ днямъ мы послѣ обѣда отправлялись съ нимъ пѣшкомъ куда-нибудь далеко за городъ, ведя оживленные бесѣды какъ по поводу его сочиненія, такъ и относительно разныхъ другихъ вопро-

совь. Помню однажды былъ такой случай. Мы отправились съ проф. Тунемъ въ деревню, находившуюся уже въ Баденскомъ герцогствѣ. Тамъ мы зашли въ ресторанъ. Обыкновенно въ нашемъ съ нимъ разговорѣ мы перемѣшивали русскій языкъ съ нѣмецкимъ. Такъ было и въ описываемый день. Когда, усѣвшись за столикомъ, мы вели оживленную бесѣду на двухъ языкахъ, къ намъ подошелъ какой-то господинъ, сидѣвшій въ ресторанѣ и, обратившись къ Туну, спросить: «вы русскій?» Тунъ замѣтно смутился и по-нѣмецки отвѣтилъ отрицательно. Незнакомый господинъ продолжалъ настаивать, что ему послышались русскія фразы. Тогда я заявилъ, что это я ихъ произнесъ, спросивъ его, кто онъ. Оказалось, что то былъ студентъ-сербъ Базельскаго университета.

Возвращаясь затѣмъ обратно, я спросилъ Туна, почему его смутило обращеніе къ нему этого студента.

— Не за себя я смутился, а за васъ: кто васъ знаетъ, легальный вы или нѣтъ, а мы вѣдь въ Германіи, гдѣ съ русскими не поцеремонятся. А въ этомъ знакомцѣ я заподозрѣлъ полицейскаго агента.

Благодаря совмѣстнымъ занятіямъ и упомянутымъ прогулкамъ, мы облизались, и между нами установились простыя отношенія: какъ онъ ко мнѣ, такъ и я къ нему заходили очень часто. Одно только обстоятельство вносило диссонансъ въ наши отношенія: хотя ко мнѣ, какъ къ Кріднеру,—легальному или нелегальному, это было для него, очевидно, безразлично,—онъ относился хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣлъ нѣсколько случаевъ убѣдиться, что къ *Дейчу*, совершившему насиліе надъ извѣстнымъ лицомъ, онъ не чувствовалъ расположенія. По его убѣжденію такихъ лицъ европейскія правительства должны были бы выдавать другъ другу, какъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ. Въ этомъ отношеніи особенно характернымъ для меня являлся слѣдующій случай.

Однажды, пришедши ко мнѣ передъ вечеромъ, проф. Тунъ сообщилъ, что на слѣдующій день онъ прочитаетъ въ мѣстномъ обществѣ свободомыслящихъ рефератъ на тему изъ русскаго революціоннаго движенія. Затѣмъ онъ предложилъ мнѣ прослушать составленный имъ конспектъ. Оказалось, что онъ намѣревался разсказать о процессѣ 1-го марта и о чигиринскомъ дѣлѣ. Вполнѣ одобривъ его конспектъ, я обѣщала прийти на этотъ рефератъ.

Партеръ и галерея обширнаго городского зданія были биткомъ набиты самой разнообразной публикой. Туну вполнѣ удалось возбудить вниманіе слушателей, съ напряженнымъ интересомъ слѣдившихъ за плавнымъ и живымъ его разсказомъ. Рефератъ свой онъ закончилъ блестящей политической параллелью между свободной маленькой Швейцаріей, изрѣзанной высокими со снѣжными вершинами горами, и той отдаленной и обширной равниной, называющейся Русскою Имперією, значительную часть года также покрытую снѣгомъ, населеніе которой лишено малѣйшихъ признаковъ свободы.

Въ общемъ мнѣ чрезвычайно понравился этотъ рефератъ. Одно только мѣсто сильно рѣзнуло меня. Разсказавъ о чигиринскомъ дѣлѣ и сообщивъ, что три главные его участника—Стефановичъ, Бохановскій и Дейчъ—бѣжали изъ Кіевской тюрьмы, проф. Тунъ замѣтилъ: «и эти преступники до сихъ поръ, къ сожалѣнію (*leider*), не арестованы,—они скрываются за границей».

Нагнавъ меня у выхода, проф. Тунъ спросилъ, какъ нашелъ я его рефератъ. Я откровенно изложилъ ему свое мнѣніе, замѣтивъ, что меня крайне удивило выраженное имъ сожалѣніе по поводу того, что вышеупомянутыя лица находятся на свободѣ:

— Что же, вы хотѣли бы, чтобы ихъ арестовали?—спросилъ я.

— Но я вѣдь не революціонеръ, а, какъ у васъ говорятъ, «умѣренный либералъ»; по моему убѣжденію, лица, совершившія подобныя преступленія, какъ Стефановичъ и Дейчъ, должны быть подвергнуты суду.

Немного поспоривъ съ нимъ, идя рядомъ по улицѣ, я вскорѣ попрощался, подумавъ, помню, про себя: «значитъ, знай ты мою настоящую фамилію, ты пожелалъ бы, чтобы и меня арестовали».

Послѣ этого случая мы рѣже стали встрѣчаться. Къ тому же наши совмѣстныя занятія тогда уже закончились, а вскорѣ окончился также зимній семестръ, и я уѣхалъ изъ Базеля въ Женеву.

Вслѣдствіи профессоръ Тунъ прислалъ мнѣ съ авторскимъ посвященіемъ вышедшее въ Германіи сочиненіе его о русскомъ революціонномъ движеніи, въ предисловіи къ которому упомянулъ обо мнѣ, какъ объ одномъ русскомъ, помогавшемъ ему въ этомъ трудѣ. Затѣмъ мы обмѣнялись съ нимъ по поводу замѣченныхъ мною въ книгѣ нѣкоторыхъ сохранившихся въ ней неправильныхъ его сужденій двумя-тремя письмами, а съ лѣта 1883 года я потерялъ его изъ виду: какъ потомъ оказалось,

онъ получилъ кафедру во Фрейбургскомъ университетѣ. Но въ мартѣ мѣсяцѣ 1884 года я совершенно неожиданно вновь встрѣтился съ нимъ при крайне печальныхъ для меня обстоятельствахъ: то было во Фрейбургской тюрьмѣ.

Подробный рассказъ объ этомъ читатель найдетъ въ моей книгѣ «Шестнадцать лѣтъ въ Сибири»; здѣсь передамъ его лишь въ немногихъ словахъ.

Выше я уже упомянулъ о томъ, что проф. Тунъ, во время нашего знакомства въ Базелѣ, относился не совсѣмъ благосклонно къ «Дейчу», и я даже допускалъ поэтому мысль, что онъ ничего не имѣлъ-бы противъ моего ареста.

Послѣ этого легко представить себѣ мой испугъ, когда, находясь въ тюрьмѣ подѣ вымышленной фамиліей Булыгина и имѣя надежду, не будучи признаннымъ, быть освобожденнымъ изъ нея, я вдругъ узналъ отъ проф. Туна, что ему извѣстна моя настоящая фамилія.

Но испугъ мой тотчасъ-же смѣнился чрезвычайнымъ изумленіемъ, такъ какъ оказалось, что проф. Тунъ не только не намѣренъ былъ повредить мнѣ, но, наоборотъ, проявивъ самое горячее ко мнѣ участіе, всѣчески старался помочь мнѣ скорѣй выбраться изъ тюрьмы, не останавливаясь для этого даже предъ опасностью скомпрометировать себя въ глазахъ властей.

Затѣмъ, въ теченіе моего пребыванія во Фрейбургской тюрьмѣ, длинагося около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, онъ принималъ самое активное участіе въ планахъ моего побѣга изъ нея.

Такая, повидимому, непослѣдовательность между взглядами и поступками нѣмецкаго профессора объясняется, мнѣ кажется, не только личнымъ его отношеніемъ ко мнѣ, но, быть можетъ, еще въ большей степени тѣмъ, что, познакомившись съ условіями русской дѣйствительности и революціоннаго нашего движенія, онъ убѣдился въ несправедливости своихъ лояльныхъ либеральныхъ взглядовъ, особенно когда ему пришлось выбирать между ними и конкретнымъ фактомъ.

Только этимъ соображеніемъ можно, мнѣ кажется, объяснить двойственность его поведенія. Красной нитью проходитъ она и въ его сочиненіи о русскомъ революціонномъ движеніи, чѣмъ рѣзко отличается оно отъ сочиненія другого иностранца—американца Джоржа Кеннана. Какъ совершенно вѣрно указалъ мой другъ Г. Плехановъ въ печатающемся здѣсь-

же предисловіи, «Тунъ былъ очень далекъ отъ безусловнаго сочувствія къ русскимъ революціонерамъ, которымъ проникнута знаменитая книга американца Кеннана» (стр. 4).

Это отличіе отношенія Туна къ русскимъ революціонерамъ отъ отношенія къ нимъ Кеннана, кромѣ субъективныхъ свойствъ перваго автора, объясняется еще тѣмъ, что, въ то время какъ послѣдній познакомился съ жертвами преслѣдованія русскаго правительства, благодаря непосредственнымъ столкновеніямъ съ ними въ мѣстахъ ихъ кары—въ Сибири,—проф. Тунъ изучалъ факты и людей, которыхъ онъ описывалъ, лишь по сухимъ печатнымъ источникамъ: вѣдь изъ активныхъ дѣятелей онъ, въ теченіе всего своего знакомства съ революціоннымъ движеніемъ, зналъ, да и то при совсѣмъ иной, чѣмъ Кеннанъ, обстановкѣ только двоихъ, какъ я уже упоминалъ, «беллетриста» Н. Л.—а и меня,—Эльпидинъ и Драгомановъ, какъ старые эмигранты совсѣмъ иной эпохи и направленія, не могутъ идти въ счетъ. Не слѣдуетъ также забывать, что въ то время, когда Тунъ писалъ свою книгу, размѣръ источниковъ о нашемъ движеніи,—разнаго рода статьи, біографіи и воспоминанія,—былъ неизмѣримо ограниченнѣе, чѣмъ каковъ онъ въ настоящее время.

Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, можно наоборотъ только удивляться объективному отношенію нашего историка къ избранному имъ сюжету, и уже однимъ этимъ объективизмомъ онъ выгодно отличается отъ всѣхъ другихъ иностранныхъ,—да иностранныхъ-ли только?—профессоровъ и ученыхъ.

Здѣсь мною вспоминается показанное мнѣ однажды проф. Туномъ письмо къ нему извѣстнаго ученаго Шмоллера, въ которомъ этотъ столичный катедеръ-соціалистъ выражалъ удивленіе по поводу того, что Тунъ выбралъ такую тему, какъ русское революціонное движеніе, и серьезнымъ тономъ трактуетъ о затѣяхъ и безпорядкахъ, устраиваемыхъ какими-то тамъ юношами и дѣвцами.

Вѣроятно, аналогично было отношеніе къ сочиненію Туна во всемъ Европейскомъ «ученомъ» мірѣ. Не этимъ-ли объясняется тотъ фактъ, что, несмотря на полный свой объективизмъ, книга нашего автора не имѣла на Западѣ никакого успѣха и прошла совсѣмъ почти незамѣченной: появившись въ 1883 г., если не ошибаюсь, въ количествѣ всего 1.000 экземпляровъ, она, кажется, не была болѣе переиздана, а также не была переведена ни на какой другой изъ западно-европейскихъ языковъ.

Совсѣмъ иной пріемъ оказала ей наша революціонная среда: въ теченіе долгихъ лѣтъ господствовавшей у насъ тяжелой реакціи она циркулировала въ литографированномъ видѣ на русскомъ языкѣ, хотя и въ неудовлетворительномъ переводѣ, и была почти единственной книгой, которая напоминала новому поколѣнію о погибшихъ старыхъ борцахъ, объ ихъ взглядахъ и стремленіяхъ. Какъ мнѣ самому приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ молодыхъ товарищей, на сочиненіи Туна воспиталось у насъ не мало новыхъ борцовъ: знакомя съ прошлымъ нашего движенія, она будила въ представителяхъ новыхъ поколѣній лучшія чувства и вызывала въ нихъ готовность также отдать всѣ свои силы и способности на дѣло освобожденія эксплуатируемыхъ массъ.

Только въ 1901 году возникшая «заграничная лига русской революціонной социаль-демократіи» рѣшила издать книгу Туна съ предисловіемъ Г. Плеханова и дополненіемъ Д. Кольцова, а также приложеніемъ Я. Стефановича, перепечаткой какового изданія и является настоящая книга, за исключеніемъ разсказа о Чигиринскомъ дѣлѣ Я. Стефановича, не пожелавшаго, по личнымъ соображеніямъ, чтобы и его разсказъ былъ помѣщенъ здѣсь *). Несмотря на 20 съ чѣмъ-то лѣтъ, истекшія со времени появленія этой книги, до сихъ поръ почти никѣмъ не были указаны въ ней крупные промахи или значительныя фактическія невѣрности, каковыя однако въ достаточномъ количествѣ нерѣдко встрѣчаются въ произведеніяхъ другихъ, въ томъ числѣ даже русскихъ авторовъ. Одно лишь существенное указаніе сдѣлалъ въ своемъ предисловіи къ этой книгѣ тов. Г. Плехановъ, а именно по поводу изложенія проф. Туномъ взглядовъ лавристовъ на нашу общину; въ связи съ ихъ отношеніемъ къ марксизму тов. Плехановъ совершенно правильно объяснилъ указанное противорѣчіе недостаточно критическимъ отношеніемъ историка нашего движенія къ имѣвшимся у него въ рукахъ источникамъ. Вѣрно также и замѣчаніе Г. Плеханова, что я «не могъ вѣдь написать за него (за Туна) принятую имъ исторію» и что я самъ переживалъ тогда (зимой 1882—83 г.) переходный моментъ революціоннаго своего развитія» (стр. 72). Но какъ въ свое оправданіе, такъ отчасти и профессора Туна, могу еще

*) Объ этомъ отказѣ я, къ сожалѣнію, узнала, когда было уже напечатано предисловіе Г. Плеханова, въ которомъ сказано о перепечатываемомъ разсказѣ Я. Стефановича по поводу Чигиринскаго дѣла.

Примѣчаніе издателя.

сказать, что въ указываемую эпоху не только у насъ, тогда молодыхъ социаль-демократовъ, но и у великихъ учителей нашихъ Карла Маркса и Фридриха Энгельса было довольно условное отношеніе къ вопросу о русской общинѣ. Напомню объ ихъ предисловіи къ первому заграничному изданію на русскомъ языкѣ Манифеста Коммунистической Партіи, вышедшемъ въ переводѣ Г. Плеханова лѣтомъ 1882 года въ Женевѣ, а также объ извѣстномъ, вызвавшемъ столько ложныхъ толковъ среди нашихъ народниковъ, письмѣ К. Маркса къ редактору «Отечественныхъ Записокъ».

Кромѣ указаннаго выше изданія, сочиненіе Туна появилось также и въ изданіи социалистовъ-революціонеровъ подъ редакціей Л. Шишко, снабженное многочисленными дополненіями и примѣчаніями. Къ сожалѣнію,—не знаю встѣдствіе чьей оплошности,—нѣкоторыя изъ этихъ дополненій помѣщены въ самомъ текстѣ безъ всякихъ вводныхъ знаковъ, такъ что читателю трудно рѣшить, принадлежатъ-ли они автору или переводчику *).

Несмотря на всѣ старанія и искреннюю готовность, проф. Туна не удалось помочь мнѣ выйти изъ Фрейбургской тюрьмы: лѣтомъ 1884 г. я былъ выданъ Россіи, а затѣмъ отправленъ на каторгу. Будучи въ Карійской тюрьмѣ, я зимой 1885—86 г. въ случайно попавшемъ мнѣ въ руки номерѣ нѣмецкой иллюстрированной газеты среди мелкихъ извѣстій прочелъ, что проф. Фрейбургскаго университета Альфонсъ Тунъ послѣ непродолжительной болѣзни скончался 31 или 32 лѣтъ отъ роду.

Левъ Дейчъ.

*) Будемъ надѣяться, что въ готовящемся къ печати изданіи «Земли и Воли» будетъ исправленъ этотъ промахъ или недосмотръ.